

УДК 332.05

Этапы хозяйственного освоения среднего Приамурья**Шведов Вячеслав Геннадьевич**

Доктор географических наук, доцент,
профессор кафедры географии и экологии,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: i-svg@yandex.ru

Стельмах Елена Викторовна

Кандидат географических наук, доцент,
завкафедрой таможенного дела,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: stelmahlena69@mail.ru

Голубь Андрей Борисович

Кандидат педагогических наук, доцент
доцент кафедры географии и экологии,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: andreypgolub1981@mail.ru

Позднякова Татьяна Михайловна

Кандидат географических наук
старший преподаватель кафедры географии и экологии,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: russland-54@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу хозяйственного освоения Среднего Приамурья. Рассмотрев его, авторы выделяют ряд этапов этого процесса. Составлены характеристики специализации каждого этапа, его экономических и экологических результатов. Дана оценка приемлемости их опыта в современных условиях. Изучение хронологии хозяйственного освоения территорий имеет существенное значение в силу ряда причин, так как оно позволяет: составить представление о том, как именно сложился современный освоенческий ландшафт той или иной территории, выявить негативные и позитивные стороны этого процесса; рассмотреть и оценить имеющийся опыт нейтрализации первых из них и оценить результативность вторых и, наконец, определить на этой основе

оптимизацию дальнейшего освоения территории. Такой подход к геоэкологическим исследованиям можно обозначить как пространственно-временной. Его применение в наибольшей степени актуально для крупных стран, чьи внутренние антропогенные и природные условия освоения разных регионов зачастую обладают значительными отличиями. Из-за этого обстоятельства, «механический» перенос опыта освоения одного региона, где он оказался вполне успешным, в другой, нередко обретает серьезные отрицательные последствия экономического, социального и экологического свойств. К числу данных государств относится и Россия.

Для цитирования в научных исследованиях

Шведов В.Г., Стельмах Е.В., Голубь А.Б., Позднякова Т.М. Этапы хозяйственного освоения среднего Приамурья // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 10А. С. 148-159.

Ключевые слова

Регион, Среднее Приамурье, хозяйственное освоение территории, экономика, экология, результат.

Введение

Хозяйственное освоение представляет собой процесс взаимодействия общества и природной среды на определенной территории [Космачев, 1974, 7]. Его специфика в каждом отдельно взятом случае определяется сложной, обусловленной местными условиями, совокупностью антропогенных и природных факторов [Ишмуратов, 1998, 5]. Вместе с тем, освоение развивается не только территориально, но и хронологически: все существующее ныне разнообразие освоенных ландшафтов имеет определенную историю развития. Поэтому следует отметить, что временной составляющей освоенческого процесса, также, присуща своя вариативность, проявления которой обусловлены следующими характеристиками:

- общей продолжительностью упомянутого процесса, непрерывностью или прерывистостью его хода;
- характером преемственности типов освоения, которая может быть полной, частичной, либо отсутствовать как таковая.

Изучение хронологии хозяйственного освоения территорий имеет существенное значение в силу ряда причин, так как оно позволяет: составить представление о том, как именно сложился современный освоенческий ландшафт той или иной территории, выявить негативные и позитивные стороны этого процесса; рассмотреть и оценить имеющийся опыт нейтрализации первых из них и оценить результативность вторых и, наконец, определить на этой основе оптимизацию дальнейшего освоения территории.

Такой подход к геоэкологическим исследованиям можно обозначить как пространственно-временной. Его применение в наибольшей степени актуально для крупных стран, чьи внутренние антропогенные и природные условия освоения разных регионов зачастую обладают значительными отличиями. Из-за этого обстоятельства, «механический» перенос опыта освоения одного региона, где он оказался вполне успешным, в другой, нередко обретает серьезные отрицательные последствия экономического, социального и экологического свойств. К числу данных государств относится и Россия. Ее территория обладает значительным

внутренним разнообразием; и каждый ее регион располагает собственным опытом освоительского процесса. Это обстоятельство следует рассматривать как богатый информационный материал, позволяющий вносить коррективы в территориально-отраслевое планирование, осуществление социальных и природоохранных программ.

Древние этапы освоения Среднего Приамурья

В качестве примера применения пространственно-временного подхода здесь предлагается рассмотреть Среднее Приамурье. Этот выбор объясняется тем, что с середины XIX до конца XX вв. данный регион был, наряду с Приморьем, основным центром развития Дальнего Востока. И в настоящее время ему отводится важная роль в восстановлении экономического потенциала восточного фланга России [Голубь, 2016, 74]. Поэтому особое значение имеет осмысление опыта его освоения, позволяющее выявить как издержки данного процесса, так и определить его положительные, заслуживающие сохранения и дальнейшего развития, стороны.

Среднее Приамурье занимает бассейн Амура от слияния рек Шилки и Аргуни до разворота амурского русла на север после впадения в него Усури. Его внутреннее пространство в основном занято Средне-Амурской и Амура-Зейской равнинами, а северная и западная окраины – нагорьем Олекминский Становик, хребтами Становой, Джагды и Буреинский. Административно эта территория занята Амурской и Еврейской автономными областями.

Самые ранние следы освоения Среднего Приамурья различимы с VII тысячелетия до НЭ, когда здесь сложился автохтонный комплекс мотыжного земледелия и путинного рыболовства [Бродянский, 1987, 215]. Его существование охватывает около 6,5 тыс. лет. Такая устойчивость означает, что этот тип освоения полностью удовлетворял материальные потребности аборигенов, сохраняя при этом за территорией их проживания способность к ресурсному самовосстановлению. Население Среднего Приамурья в верхнем неолите и раннем Железном «веке» составляла 20 – 30 тыс. человек, которые возделывали не более 1 – 2% пригодных для обработки земель [Деревянко, 1976, 215]. А ежегодный нерестовый ход лосося и осетра вверх по Амуру оценивается в несколько сотен тысяч тонн. Это не только обеспечивало местных жителей продовольствием на круглый год, но и позволяло им удобрять излишками путинного промысла свои поля [Шведов, 2000, 52]. При этом остальная обширная территория региона в хозяйственном отношении задействовалась очень слабо.

Во II в. до НЭ Среднее Приамурье заняли выходцы из Забайкалья, которые освоили гужевую плужную вспашку. В результате, площадь полей здесь возросла на два порядка. Но и тогда они ленточно размещались вдоль речных долин, не образуя единого массива. Гораздо обширнее были пастбища для крупного рогатого скота и лошадей [Деревянко, 1981, 294].

Расчистка земель под выпас привела к почти полному уничтожению равнинных лесов. Кроме того, высокая концентрация копытных должна была привести к деградации естественной среды из-за перевыпаса. Но высокий уровень атмосферного увлажнения, в сочетании с уплотнением и унавоживанием почв домашними стадами, блокировали негативные процессы, став причиной образования уникального ландшафта влажных лесостепей [Сочава, 1962, 4]. Регулярно орошаемое дождями высокотравье на черноземовидных почвах производило летом значительное количество растительной биомассы. А сухая и малоснежная зима способствовала ее сохранению на корню и относительно легкую доступность животных к ней в холодный сезон года [Стельмах, Шведов, 2014, 146].

Возникнув как антропогенное образование, влажные лесостепи представляли собой локальный пример положительного воздействия человека на природную среду. Но и

существовать они могли лишь в условиях конкретного типа освоения, конец существования которого был положен событиями 1643 – 1689 гг., когда Среднее Приамурье стало ареной соперничества России и маньчжурской Империи Цин, при котором аборигенное население частью было уничтожено, частью депортировано.

Досоветский этап освоения Среднего Приамурья

Цинские власти наделили Среднее Приамурье статусом «Запретной земли», заселение которой де-факто было запрещено. Хозяйственное освоение региона сменилось стихийным ревайдингом. Но это не привело к восстановлению первозданной среды. В силу того, что в течение полутора тысяч лет здесь господствовал искусственный ландшафт, изначальные биоценотические «механизмы» оказались утрачены; влажная лесостепь начала замещаться вторичными смешанными лесами либо заболачиваться. В таком состоянии этот край застали русские переселенцы, когда он, по Айгуньскому договору 1858 г. отошел России. При этом было отмечено его «дикое, запущенное» состояние [Завалишин, 1881, 412].

Пионерами нового освоения Среднего Приамурья стали представители земледельческих сословий. В 1869 г. в новообразованной Амурской области проживало 10576 казаков и 6867 крестьян, распахавших 300 тыс. десятин (327 тыс. га). Угодья занимали наиболее удобные и плодородные земли по левому берегу Амура с крупным ответвлением на север вдоль Зеи. А в 1913 г. под пашней в Амурской области находилось уже 679 тыс. десятин; сбор зерна составил 3,25 млн. пудов. Всего на каждого местного жителя здесь ежегодно производилось по 39 пудов зерна при установленной тогда норме в 20 пудов.

Важным дополнением земледелия стала добыча золота. Его разработка началась в 1868 г. в верховьях рек Зея, Селемджа, Буряя, Бира. В первое десятилетие была добыта 31 т драгоценного металла. К 1904 г. годовой объем добычи золота колебался на уровне 400 – 500 пудов, что составляло 15 – 20% его общероссийского производства.

Таким образом, в Среднем Приамурье сложился эффективный, но узкоспециализированный на зерновом хозяйстве и добыче золота тип освоения. В принципе, эту характеристику следует рассматривать как положительную в том смысле, что она соответствовала первичному (после двух столетий ревайлдинга) освоению территории, когда первоочередное внимание сосредоточено на наиболее доступных и ценных составляющих ее ресурсного потенциала и реальным возможностям региона, производительные силы которого начинали развитие с нулевого уровня.

Вместе с тем, антропогенное воздействие на природную среду региона на этом этапе было слабым. Это объяснялось относительной малочисленностью населения и крайней неравномерностью его размещения [Стельмах, Соловченков, Липовецкая, 2014, 79]. К 1917 г. в Среднем Приамурье проживало около 1,5 млн. человек. Но более 95% населения размещалось в 50-километровой левобережья Амура и по берегам Зеи до впадения в нее Селемджи. В хозяйственный оборот было вовлечено всего 6,9% территории региона, из которых на сельскохозяйственные угодья приходилось 5,4% и на золотые прииски – 0,3%.

Другая причина состояла в узкой специализации местной экономики. Животноводство, промысловая охота, рыболовство имели вспомогательное значение. Лесные ресурсы использовались ограниченно по периферии основного ареала расселения. Добыча иных, кроме золота, видов минерального сырья была представлена кустарными разработками глин и песков. Исключения были редки. Так, в 1913 г. началась пробная эксплуатация Райчихинского месторождения бурого угля.

Советский этап освоения Среднего Приамурья

Советский этап освоения Среднего Приамурья начался по окончании Гражданской войной в 1922 г. Поскольку он протекал в недавнем прошлом, нюансы его хода являются наиболее различимыми и их можно проследить буквально по годам. Но здесь будет дана его обобщенная характеристика.

Несмотря на самые энергичные (вначале – насильственные, затем – стимулирующие) меры государства, достичь дореволюционной численности населения здесь не удалось. К 1991 г. в субъектах Среднего Приамурья, Амурской и Еврейской автономной областях, проживало чуть более 1,25 млн. человек (из них 1,05 млн. – в Амурской области). Но благодаря новым технологическим возможностям, использованию современного транспорта, диверсификации добывающей промышленности, процессы освоения здесь многократно усилились. Впрочем, общее направление производственной специализации региона коренных изменений не претерпело. Во внутренней государственной системе разделения труда за ним закрепились функции производителя сельхозпродукции на Дальнем Востоке и поставщика природного сырья для промышленности западной части страны.

Пиковый этап решения первой из этих задач пришелся на середину XX в. К этому времени посевной клин Среднего Приамурья составлял 740 тыс. га. Постановление 1952 г. об освоении целины привело к его расширению до 10 млн. га в 1963 г., а валовое производство зерна превысило 400 тыс. т. Затем темп распашки новых площадей замедлился, отчасти из-за неофициального окончания «Целинной кампании», отчасти – из-за исчерпания регионального потенциала пригодных для обработки земель. В 1980 г. площадь распаханых земель в Среднем Приамурье достигла максимума – 1,65 млн. га, после чего его прирост прекратился.

Что же касается вовлечению в хозяйственный оборот минеральных ресурсов региона, то с конца 30х до начала 80х годов XX в. его недра обследовали более 250 экспедиций. Результатом их работы стали обширные сведения о горнорудном потенциале Среднего Приамурья. В их числе были 13 новых месторождений золота, четыре месторождения железных и железомарганцевых руд, три – сурьмы, по одному – оловянных, свинцово-цинковых ртути; найдены промышленные запасы цементного сырья, известняка, брусита, графита. Райчихинское месторождение, с доведенной до 8 млн. т добычи угля в год, стало важнейшим производителем энергоносителей межрегионального значения на востоке страны.

Впервые в Среднем Приамурье началась промышленная эксплуатация его лесных ресурсов, запасы которых были оценены более чем в 1,5 млрд. м³. Рост общесоюзной потребности в деловой древесине, а также – прохождение по территории региона двух железнодорожных магистралей (Транссиб и БАМ), обеспечивших масштабный вывоз продукции в европейскую часть СССР, обусловили постоянно нарастающий темп проводимых рубок.

Промышленный лесоповал начал практиковаться в регионе в 30е годы XX в. Тогда его годовой объем приблизился к 2 млн. м³. Спустя полвека, в начале 80х годов, этот показатель удвоился; в том числе наполовину – за счет начала проведения рубок в зоне возведения БАМа.

Важной новацией в освоении ресурсного потенциала региона стало начало сооружения Зейской ГЭС в 1964 г. Пуск первого энергоблока состоялся в 1975 г., и через пять лет она была выведена на плановую мощность 4,9 млн. кВт/час. Сооружение этого объекта повысило суммарную обеспеченность электроэнергией всего юга Дальнего Востока на 20%.

Вместе с тем, в течение Советского этапа в регионе действовало чуть более двух десятков промышленных объектов, которые специализировались на выпуске продукции «верхних этажей» тяжелой индустрии. Для столь крупной территории это был крайне низкий показатель.

Вдобавок, эти предприятия работали, по преимуществу, на поставках комплектующих из западной части страны. Заводы с полной производственной цепочкой, от добычи сырья до выпуска готовой продукции (такие как Теплоозерский цементный завод в ЕАО), насчитывались единицами.

Изложенное позволяет заметить основное противоречие Советского периода освоения Среднего Приамурья. Взрывообразное усиление этого процесса осуществлялось, по преимуществу, за счет экстенсивных методов и усиление сырьевой специализации региона. Вдобавок, сложившиеся условия способствовали заметному ухудшению состояния местной природной среды.

Со времени кампании по распашке целины и до начала 80х годов XX в. из-за водной и ветровой эрозии Среднее Приамурье утратило 23 тыс. га пашни. Потеря гумусного слоя на одном гектаре равнялась показателю от 250 до 450 кг в год. Главным средством выправления этого положения считалась избыточная химизация. Ежегодное внесение на поля региона инсектицидов и гербицидов сорока наименований достигало 2 тыс. т., при том, что местная природная среда практически лишена естественного «механизма» разложения искусственных химикатов.

Следствием усиленной эксплуатации лесных ресурсов стало сокращение площади лесов на 3,4 млн. га, или на 31,4% в сравнении с их учетным ареалом в начале 50х годов. Ежегодной вырубке подвергалось 80 тыс. га, при том, что до 20% заготовок древесины оставалось брошенными на лесосеках, а работы по восстановлению древесного покрова выполнялись лишь на 1/3.

Серьезный урон природной среде региона нанесла горнодобывающая промышленность. Вскрышные работы на Райчихинском месторождении уничтожили 8,8 тыс. га первичных почв. Работа золотодобывающих и рудничных предприятий привела к накоплению их сбросов в Зее, Селемдже, Бурее и множестве мелких рек на площади в 18 тыс. км². В среднем замутненность вод в местах разработки полезных ископаемых превысила допустимый показатель в 20 раз, а в небольшой реке Хинган в ЕАО в районе добычи оловянной руды – в 5 тыс. раз. В растворенных взвесах были обнаружены ртуть, цианид натрия, хлорсодержащие соединения.

Со временем проявился наносимый природной среде ущерб со стороны Зейской ГЭС. Образованное при ее строительстве водохранилище затопило почти 2,3 тыс. км² земель, включая 3,9 тыс. га сельхозугодий. Возведенная без рыбоподъемников плотина блокировала нерестовый ход по реке. Сброс нагретых вод привел к ежегодному образованию на Зее ниже электростанции незамерзающей полыньи протяженностью до 100 км, в зоне которой зимой наблюдается повышенная влажность воздуха, что отрицательно сказывается на здоровье проживающих поблизости людей.

Постсоветский этап освоения Среднего Приамурья

Поразивший страну в конце XX в. кризис стал причиной значительного сокращения населения региона. За 1989 – 2000 гг. оно уменьшилось, в основном из-за отъезда, на 230 тыс. человек. По логике, это явление должно было оказать замедляющее воздействие на общий ход дальнейшего освоения территории. Но реальное положение дел оказалось сложнее.

В первую очередь пострадали работавшие на привозных комплектующих машиностроительные предприятия. Их закрытие, в свою очередь, привело к прекращению обновления и ремонта местного машинного парка. Одновременно произошло быстрое угасание тех сырьевых отраслей, которые требовали крупных капиталовложений или производили

относительно недорогую продукцию. Речь идет о большинстве карьеров по добыче строительных материалов, известняка, уникальном месторождении брусита, Хинганском оловорудном месторождении. Проблемы финансирования и падение уровня технической оснащенности стали причиной сокращения на 20% объема добычи бурого угля.

Вместе с тем, усилилась нагрузка на те виды ресурсов, разработка которых могла давала быструю отдачу. Так, добыча золота с 1989 по 2001 гг. увеличилась с 9 до 12,9 т; вывоз древесины возрос на 18%. Указанная динамика целиком была достигнута методами неполной отработки наиболее перспективных месторождений, ненормированной выборочной рубки особо ценных пород. Следствием такого, усиленно-избирательного по форме и хищнического по сути, подхода к освоению территории стало заметное ухудшение ее экологического состояния. Так, к 2000 г. в регионе было выявлено около 20 тыс. га нарушенных добычей минерального сырья земель, из которых около 15 тыс. пришлось на разработки золота. Годовой сброс твердых отходов с приисков в бассейне Зеи (основной ареал золотодобычи в регионе) превысил 45 млн. м³. Бесконтрольной рубкой было нарушено не менее 50% лесного фонда Среднего Приамурья.

Отрицательные тенденции коснулись и аграрной системы региона. С середины 80х и до конца 90х гг. XX в. здесь, вследствие ухудшения качества обработки почвы и забрасывания полей было утрачено более 300 тыс. га пашни. Влажный климат способствовал тому, что к 1999 г. залежные угодья большей частью (230 тыс. га) подверглись заболачиванию. Острой проблемой для региона стала эрозия почв, которая повсеместно проявила себя из-за массовой распашки легких по механическому составу почв на пологих склонах холмов при отсутствии противоэрозионных мероприятий.

Происходившее соответствовало известной закономерности: при ухудшении социально-экономического положения в стране, процессы освоения обретают сиюминутную избирательность в интересах узкого круга лиц; осуществляются они варварскими методами, что ведет к усилению разрушительного воздействия на естественную среду при общем упадке хозяйственной активности [Кульпин, 1990, 134]. Все стороны этого явления проявились в свое время в Среднем Приамурье.

Начало XXI столетия привнесло в экономику региона определенные позитивные сдвиги. И хотя в настоящее время местный производственный потенциал составляет немногим более 30% от аналогичного показателя последних предкризисных лет, признаки его постепенного восстановления очевидны. Это вновь актуализирует проблему поиска модели освоения региона в новых условиях.

Очевидно, что восстановление древних типов хозяйствования, теперь невозможно и нецелесообразно. Они просто не вписываются в современную экономическую практику. Кроме того, теперешнее население региона не знакомо с аборигенными навыкам и приемам ведения хозяйства, а его потребности очень сильно отличаются от тех, которые были достаточны в древности. Не может в полной мере служить образцом и дореволюционная модель регионального освоения, сложившаяся в существенно отличных от современных коммуникационных, энергетических, технологических и потребительских условиях. Единственным ее сектором, опыт которого заслуживает изучения, является эффективное аграрное освоение приамурских равнин крупными крестьянскими хозяйствами.

В этой связи с наибольшей степенью вероятности можно предположить, что в обозримом будущем в Среднем Приамурье будет восстановлена советская модель освоения. Разумеется, она, в соответствии с современными условиями, претерпит существенную трансформацию в отношении прав собственности, но сохранит аграрно-сырьевую специализацию. Утверждать

это позволяют следующие соображения:

- вся имеющаяся в настоящее время в регионе территориальная и отраслевая структура хозяйства, его технологическая база, трудовые навыки населения складывались ею. И изменить это за короткий срок невозможно;
- для федерального центра Среднее Приамурье в общероссийском разделении труда остается производителем минерального сырья и леса. Это положение поддерживается системой ведомственных и административных интересов, сложными коррумпированными схемами;
- «подключение» региона к международным экономическим связям пока осуществляется в основном за счет развития взаимодействия с единственным зарубежным партнером – Китаем, который также заинтересован в нем как в сырьевом придатке своих северо-восточных провинций;
- из-за специфики агроклиматических условий Дальнего Востока, Среднее Приамурье остается здесь основным производителем продовольствия.

Следует признать, что восстановление основных позиций советской модели освоения, действительно, может содействовать восстановлению ранее существовавшего в регионе экономического потенциала, остановить отток населения. Но и ей сопутствовал ряд серьезных проблем. Поэтому наиболее оптимальными представляется принятие мер по развитию в Среднем Приамурье производственных комплексов с глубокой переработкой сырья на месте с одновременным материальным поощрением внедрения экологически щадящих технологических линий.

Такое решение представляется очевидным. Но в течение длительного времени его практическая реализация наталкивается на серьезные барьеры [Минакер, 2004], что иллюстрируется судьбой принимавшихся на высшем уровне и посвященных Дальнему Востоку документов.

В 1987 г. была обнародована «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года». Возложив всю тяжесть модернизации процесса освоения на местные, стремительно таявшие в условиях кризиса, бюджеты, она закончилась провалом.

Программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 годы» была составлена в условиях финансового и экономического коллапса и потому ничего нового, по сути, в оптимизацию процесса освоения не внесла. За общими декларациями о комплексном развитии региона явно проступал упор на традиционный подход к нему, как к сырьевому придатку теперь уже и транснационального капитала. Но его такового выразилось не в ожидавшихся инвестициях, а в успешном приведении местного производства к практически полному банкротству. Кроме того, определенные позиции этого документа открыли возможности для криминализации экономики Дальнего Востока.

Принятая в 2013 г. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» фактически «вернула» государственный контроль над освоением местного ресурсного потенциала и федеральное софинансирование над его осуществлением. Кроме того, она вновь делает упор на развертывание полнопрофильной индустриализации восточного фланга России. Но в настоящее время ее реализация связана с существенными затруднениями. В первую очередь, это сохраняющееся наследие местной аграрно-сырьевой экономической специализации с присущей ей производственной базой. Но если это препятствие прогнозируемо и, в принципе, поддается постепенному преодолению, то

второе представляет собой четко выраженный фактор проявления неожиданного негатива. Речь идет о том, что означенная программа формировалась в условиях высоких доходов от экспорта нефти, которые теперь резко сократились на фоне жесткого внешнего давления на Россию.

Тем не менее, в настоящее время в Среднем Приамурье реализуется ряд программных проектов, которые способны сыграть заметную роль в новом подходе к освоению его потенциала. В их числе следует назвать:

- пуск Бурейской (2012 г.) и Нижне-Бурейской (2017 г.) ГЭС суммарной мощностью 8,77 млрд. кВт/час,
- завершение строительства первого стартового комплекса космодрома «Восточный» (2016 г.);
- начало возведения в 2017 г. Амурского газоперерабатывающего завода с годовой мощностью 42 млрд. м³ газа, вслед за которым в 2021 г. планируется ввод в строй газохимического завода «Сибур»

Отличительная черта реализации этих проектов – их базовое назначение. Так, Бурейский каскад ГЭС способен разрешить застарелую для Дальнего Востока проблему энергетического дефицита, препятствующую развитию здесь таких отраслей, как черная и цветная металлургия. Космодром и газохимический комплекс не только являются высокотехнологическими объектами сами по себе, но и потребуют, в совокупности, создание около ста смежных машиностроительных и химических комплексов.

Заключение

Таким образом, впервые за всю историю российского освоения Среднего Приамурья, здесь обозначились признаки формирования на местном ресурсном потенциале полных производственных циклов. Безусловно, этот процесс не будет свободен от многоплановой текущей проблематики, а его осуществление обозначит новые грани природоохранных вопросов. Однако следует согласиться с тем, что жизнь всегда вносит свои коррективы в планы, а развитая «многоступенчатая» экономика позволит создать на крайнем востоке России устойчивый форпост ее присутствия в стратегически важном Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Библиография

1. Бродянский Д.Л. Введение в археологию. Владивосток, 1987. 274 с.
2. Голубь А.Б. Имидж Дальнего Востока России. Прошлое и настоящее. Биробиджан, 2016. 133 с.
3. Деревянко А.П. Приамурье. I тысячелетие до нашей эры. Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
4. Деревянко Е.И. Племена Приамурья. Первое тысячелетие нашей эры. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.
5. Завалишин Д.И. Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство // Русская старина. 1881. Ч. X. С. 387-434.
6. Ишмуратов Б.М. Экономико-географические и геополитические факторы развития межэтнических отношений на современном этапе // География и природные ресурсы. 1998. №1. С. 5-14.
7. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги. Новосибирск: Наука, 1974. 144 с.
8. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990. 245 с.
9. Минакир А.П. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2004. 352 с.
10. Позднякова Т.М. Внутреннее структурирование историко-географических районов Азиатской части России // Вестник ВГУЭС. Территория новых возможностей. 2011. №4 (13). С. 90-97.
11. Савченко А.Е. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? URL: <http://rusrand.ru/analytics/pochemu-programmy-razvitija-dalnego-vostoka-ne-rabotajut>
12. Сочава В.Б. Природное районирование Дальнего Востока. Иркутск, 1962. 24 с.
13. Стельмах Е.В., Соловченков С.А., Липовецкая А.А. Подходы к ландшафтному районированию территории

- Еврейской автономной области. // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2014. № 3 (16). С. 76-83.
14. Стельмах Е.В., Шведов В.Г. Влияние экономического освоения на формирование антропогенных ландшафтов Еврейской автономной области // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 4 (34). С. 144-149.
15. Степанов В.А. Перспективы золотого оруднения Приамурской провинции. URL: http://old.amursu.ru/attachments/article/9528/N55_15.pdf
16. Шведов В.Г. Историческая политическая география Амурского района. Биробиджан, 2000. 275 с.

Stages of economic development of the Middle Priamurye

Vyacheslav G. Shvedov

Doctor of Geography, Associate Professor,
Professor of the Department of Geography and Ecology,
Sholom-Aleichem Priamursky State University,
679015, 70a Shirokaya st., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: i-svg@yandex.ru

Elena V. Stel'makh

PhD in Geography, Associate Professor,
Head of the Department of Customs,
Sholom-Aleichem Priamursky State University,
679015, 70a Shirokaya st., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: stelmahlena69@mail.ru

Andrei B. Golub'

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Geography and Ecology,
Sholom-Aleichem Priamursky State University,
679015, 70a Shirokaya st., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: andreygolub1981@mail.ru

Tat'yana M. Pozdnyakova

PhD in Geography,
Senior Lecturer of the Department of Geography and Ecology,
Sholom-Aleichem Priamursky State University,
679015, 70a Shirokaya st., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: russland-54@mail.ru

Abstract

This publication deals with analysis of economic development of the Middle Priamurye Region. The earliest evidence of economic use of the Middle Priamurye is visible from the 7th millennium BC. At this time on this territory was founded the autochthon complex of land cultivation by hoes

and traditional season's fishing. This type of farming did little harm to the natural environment of the region. Tribes from Trans-Baikal Land captured the Middle Priamurye valley in the 2nd century AD. Their huge herds of cattle and horses disrupted the ecological balance in the region. But the damp forest-steppe was formed here in a humid climate. And this formation has become a productive basis for the farming. This system was destroyed during the Russian-Manchurian war in the XVII century. When Russia again acquired the Middle Priamurye in 1858, eyewitnesses said that it had a "wild" appearance. The stage of Russia's development in this region in the late XIX and early XX centuries was characterized as an initial economic approach. Then only two types of resources were of interest here – agricultural land and gold. During the Soviet phase, there was a sharp expansion of the nomenclature of the natural resources used and an increase in the volume of its extraction. But this process has become unpracticed and barbarous in the Post-Soviet period. There is a hope that the state programs adopted at the present time will contribute to the creation of a complex of balanced economy in the Middle Priamurye region.

For citation

Shvedov V.G., Stel'makh E.V., Golub' A.B., Pozdnyakova T.M. (2017) Etapy khozyaistvennogo osvoeniya srednego Priamur'ya [Stages of economic development of the Middle Priamurye]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 7 (10A), pp. 148-159.

Keywords

Region, Middle Amur Region, economic development of the territory, economy, ecology, results.

References

1. Brodyanskii D.L. (1987) *Vvegenie v arkhologiiu* [The foundations of Archeology]. Vladivostok: DSU.
2. Derevyanko A.P. (1976) *Priamur'e. Pervoe tysyacheletie do nashey ery* [Amur region. The first millennium BC]. Novosibirsk: Nauka Publ.
3. Derevyanko E.I. (1981) *Plemena Priamur'ya. Pervoe tysyacheletie nashey ery* [The tribes of Amur region. The first millennium AD]. Novosibirsk: Nauka Publ.
4. Golub' A.B. (2016) *Imidzh Dal'negu Vostoka. Proshloe I nastoyashee* [The image of the Far East. Past and present]. Birobidzhan.
5. Ishmuratov B/M. (1998) Ekonomiko-geograficheskie i geopoliticheskie factory razvitiya mezhetnicheskikh otnosheniy na sovremennom etape [Economic-geographical and geopolitical factors of development of interethnic relations at the present stage]. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], 1, pp. 5-14.
6. Kosmachev K.P. (1974) *Pionernoe osvoenie taigi* [Pioneering developing of taiga]. Novosibirsk: Nauka Publ.
7. Kul'pin E.S. (1990) *Chelovek i priroda v Kitae* [The human and nature in China]. Moscow: Nauka Publ.
8. Minakir A.P. (2004) *Ekonomika regionov. Dal'niy Vostok* [Economy of regions. Far East] Moscow: Ekonomika Publ.
9. Pozdnyakova T.M. (2011) Vnutrennee strukturirovanie istoriko-geograficheskikh raionov Aziatskoy chasti Rossii [Internal structuring of historical- geographical regions of the Asian part of Russia]. *Territoriya novykh vozmozhnostey* [The territory of new opportunities], 4 (13), pp. 90-97.
10. Savchenko A.E. *Pochemu programmy pazvitiya Dal'negu Vostoka ne rabotayut* [Why the development programs of the Far East are not effective?] Available at: <http://rusrand.ru/analytics/pochemu-programmy-razvitiya-dalnego-vostokane-rabotajut> [Accessed 08 August 2017]
11. Sochava V.B. (1962) *Prirodnoe rayonirovanie Dal'negu Vostoka* [Natural zoning of the Far East]. Irkutsk.
12. Stel'mah E.V., Solovchenkov S.A., Lipovetskaya A.A. (2014) Podhody k landshaftnomu rayonirovaniyu Evreiskoy avtonomnoy oblasti [Approaches to landscape zoning of the territory of the Jewish Autonomous Region]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Sholom-Aleikhema* [Bulletin of Priamur State University], 3 (16), pp. 76-83.

13. Stel'mah E.V., Shvedov V.G. (2014) Vliyanie ekonomicheskogo osvoeniya na formirovanie antropogennykh landshaftov Evreiskoy avtonomnoy oblasti [The impact of economic development on the formation of anthropogenic landscapes of the Jewish Autonomous Region]. *Nauka I biznes: puti razvitiya* [Science and business: The ways of development], 4 (34), pp. 144-149.
14. Stepanov V.A. *Perspektivy zolotogo orudneniya Priamurskoy provintsii* [Prospects of gold ore in the Amur province] Available at: http://old.amursu.ru/attachments/article/9528/N55_15.pdf [Accessed 28 July 2017]
15. Shvedov V.G. *Istoricheskaya politicheskaya geografiya Amurskogo rayona* [Historical Political Geography of the Amur Region]. Birobidzhan.
16. Zavalishin D.I. (1881) Amurskoe delo i vliyanie ego na Vostochnuju Sibir' I gosudarstvo [The Action on Amur and its influence on Eastern Siberia and state]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], X, pp. 387-434.